

УДК 72.01

М. В. ДУЦЕВ, д-р архитектуры, доц., зав. кафедрой дизайна архитектурной среды¹, проф. кафедры архитектуры инженерной академии², вед. науч. сотрудник, зав. отделом проблем теории архитектуры³; **А. А. КУРБАТОВ**, магистрант кафедры дизайна архитектурной среды¹

К НОВЫМ ОНТОЛОГИЯМ В АРХИТЕКТУРЕ. ЧАСТЬ 1. ЭВОЛЮЦИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ СХЕМ

¹ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

Россия, 603950, г. Н. Новгород, ул. Ильинская, д. 65. Тел.: (831) 433-05-52;
эл. почта: nn2222@bk.ru

²ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (499) 936-87-87;
эл. почта: rudn@rudn.ru

³Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ
Россия, 111024, Москва, ул. Душинская, д. 9. Тел./факс: (499) 951-82-72;
эл. почта: niitag@yandex.ru

Ключевые слова: архитектура, философия, объектно-ориентированная онтология, спекулятивный реализм, новый материализм.

Статья является первой частью исследования актуальной проблемы онтологического поворота в теории и практике архитектуры. Авторами рассматриваются связи между архитектурой и философией, представленные в четырех онтологических схемах. Определение каждого типа и анализ их проекций в теорию архитектуры составили специфику настоящей статьи. Первые три схемы при этом обозначаются как традиционные онтологии, поскольку представляют разные иерархические структуры. Четвертая схема обозначается как новая онтология, поскольку является «плоской», что задает более широкий выбор возможных профессиональных коммуникаций и пространственных решений.

В конце XX – начале XXI вв. происходят значительные изменения в социальных и философских науках, связанные с материалистическим поворотом, пришедшим на смену лингвистическому. Одной из первых значительных теорий в этом направлении является АСТ (акторно-сетевая теория), совмещающая в себе семиотический и материальный подходы и рассматривающая все объекты как действующие (в таком случае все объекты становятся актерами). Принципиальная симметричность отношений в этой теории «уплощает» и онтологию (науку о бытии). Стоит отметить, что под новой онтологией мы понимаем плоскую онтологию. Плоская онтология – это онтология, в которой принципиально отсутствует «суперобъект», именно в этом заключается ее принципиальная новизна.

Под именем новой онтологии скрывается множество достаточно разнородных и во многом противоречащих друг другу течений и теорий. Условно схожим элементом между ними является плоская, не иерархичная структура, в которой ни один объект не сводится к другому и обладает равной реальностью. Таким образом, они противостоят любым видам центризма (гео-, антропо-, тео-).

Основным следствием из плоской структуры онтологии является оспаривание классической модели частей и целого, поскольку каждая часть – целый объект.

Плоская онтология претендует на то, чтобы считаться подлинно реалистичной, поскольку реальность объектов не сводится к чему-либо в полной мере описываемому и объяснимому, что характеризует ее как анти-редукционистскую. Повышение интереса к онтологии в философии соотносится с падением интереса к эпистемологии, теперь вопрос о существовании объекта не подменяется его познаваемостью, что и открывает пространство для определенных спекуляций.

Наше предположение заключается в том, что встречу архитектуры и философии возможно представить на уровне схем. В своей книге «Во имя материи: Критические и метафизические исследования» А. Ветушинский достаточно четко артикулирует четыре варианта онтологического схематизма, речь о которых пойдет далее. Итак, в теории и истории философии условно можно выделить четыре типа онтологического схематизма: 1. Суперобъект возвышается над всем и все объемлет, все является его частями (Бытие, Бог, Целое). 2. Суперобъект лежит в основании всего, все состоит из одинаковых частиц (атомизм, натурализм). 3. Суперобъект, относительно которого все существует (человек), середина и центр реальности – эта позиция характерна для критической и посткритической философии (корреляционизм). 4. Плоская онтология. Отсутствие суперобъекта. Важным моментом в этой схеме является то, что ни один объект не связан со всеми объектами в мире, а все связи локализуемы и временны [2]. Таким образом, существуют «верхняя», «нижняя», «серединная» схемы «старых онтологий» и четвертая, которая радикально от них отличается тем, что не ограничивает автономию объектов.

Итак, цель данного исследования заключается в выявлении симбиотических связей между архитектурой и философией в рамках онтологии. Предполагается, что выявленные связи позволят проследить, как меняются траектории видения и движения мысли, при этом эта связь всегда непрямая и напоминает скорее перевод. Это, в свою очередь, может переопределить место архитектуры и архитектора в мире, обновить дискурс соотношения частей и целого, внешнего и внутреннего, в целом пересобрать архитектурную среду как совокупность теории и практики. При этом стоит отметить, что онтологическая оптика, приведенная в тексте, является «одной из» и не имеет привилегированного значения. Также важно, что каждый объект превосходит его описание какой-либо оптикой.

Можно сказать, что «верхний» схематизм характерен для иконических зданий, где есть какое-то тотализируемое целое, которое подавляет автономию частей. «Верхняя» схема проявляется в культовой архитектуре, которая в своих пропорциях и функции в общем-то является нечеловеческой. Так, православные храмы являются местом пребывания Бога, при этом изображая и рай, и землю, и каждого человека. Любопытно, что похожий подход к строительству культовых сооружений можно увидеть не только в монотеистических религиях, но и у представителей язычества. Древние Египетские пирамиды как усыпальницы фараонов (стоит отметить, что фараоны наделены божественным статусом) имеют циклопические масштабы и могут выглядеть в нашей оптике как крайне нерациональное использование ресурсов, но вполне уместной с позиции верхнего суперобъекта.

Причем Целым может выступать не только что-то трансцендентное, но и имманентные объекты, например, общество. В архитектуре это проявляется в социальных проектах, которые могут игнорировать индивидуальное в пользу общественного. Хорошая иллюстрация – архитектура тоталитарных режимов, которая воздействует на субъект своим масштабом и диктует свою эстетическую программу, являющуюся разновидностью холизма, противоположным редукции и нивелирующим автономию частей. Вместе с тем о работе «верхнего» схематизма можно говорить в «бумажной архитектуре», где, как правило, все подчиняется какой-то одной «большой идее». Именно сведение архитектуры к диаграммам является редуктивной операцией в пользу цельного замысла. Как в структурализме эти концепции предполагают отсутствие субъекта, но наличие структур его производящего.

Чаще всего «нижняя» схема в теории связана с античным атомизмом и натурфилософией. Витрувий в своем трактате об архитектуре согласен с атомизмом; для него очевидно, что все состоит из «определенного сочетания и смешения основных начал» [3, с. 39]. Во многом поэтому содержание второй книги занимает подробное описание материалов, применяемых в строительстве, их качеств и свойств. Витрувий разделяет начала здания и происхождение архитектуры, поскольку архитектуру он считает наукой, состоящей из теории и практики, а предметом архитектуры – знание. Но, несмотря на высказанную солидарность с атомизмом он, скорее, придерживается античного гилеморфизма, понимая архитектора как демиурга, который облекает материю в форму. Вещь для него трактуется в свете дихотомии активной формы и пассивной материи. В этом и проявляются субъектно-объектные отношения, лежащие в основе теории, речь о которых пойдет ниже. Для архитектуры, скорее, характерна гилеморфная метафора, всегда есть демиург (архитектор), управляющей материей. Как это определяет Ле Корбюзье – «архитектура состоит в том, чтобы из необработанного материала создать впечатляющие соотношение форм», «вдохновение превращает инертный камень в драму» [5, с. 11]. Несмотря на это, у модернистских архитекторов часто встречается фетишизация промышленных деталей (двухавры Мис ван дер Роэ) и их промышленного производства. Идеальной в своей доступности является архитектура, произведенная из готовых фабричных деталей. Индустриальный, типовой элемент, который многократно воспроизводимый – главный герой этого нарратива. Также Ле Корбюзье развивает мысль: «В строительстве городов и селений, улиц домов, квартир – в деле создания человеческого жилья – все определяет первичная жилая ячейка» [5, с. 192], составной частью определяющей целое градостроительства является жилая ячейка; и это соотносится с тем, как клетки определяют жизнеспособность всего организма. При описании такой жилой ячейки акцент всегда ставится на ее грамотное планирование и на функции, которые она должна выполнять. Все это должно способствовать «порядку жизни» человека, в этой интенции можно увидеть гуманистический посыл, такая архитектура комфортна, в ней все под рукой (эргономика, радиусы обслуживания). В стремлении планирования жизни и желании научной точности выражается основа модернистского пафоса. Проблема заключается в нежелании архитектора делегировать какую-либо актантность пользователям его архитектуры (они машины, работающие по одному алгоритму), пользователь буквально безропотно обязан выполнять то, что ему говорит архитектура (хотя очевидно, что любой человек может менять среду своего

обитания). Ставка на гуманизм не работает, поскольку архитектура производит человека для себя самой. Так, архитектура – это машина, производящая машины (своего рода завод). Корни деантропологизации в скорости, которую дарует «машинный век», поскольку человеческое – это всегда запаздывание и предвосхищение. «Машина – новая кожа, новый более чуткий посредник, с помощью которого рождаются новые переживания и ощущения, машина – это скоростное преобразование ближайшей и дальней среды человеческого обитания» [7, с. 21]. Эти скорости позволяют объединить все в целое, создать универсум. Именно поэтому авангардисты так любят самолеты и поезда, поскольку эти машины объединяют мир.

Рабочий элемент, введенный Корбюзье – модулер, может сбить с толку, поскольку напоминает витрувианского человека и, казалось бы, точно адресует к гуманизму. Сам Корбюзье определяет его следующим образом: «модулер – это средство измерения, основой которого является рост человека и математика» [5, с. 250]; таким образом, это человеческая размерность в целях упорядочивания полностью отчуждена от человека, «человеческое захватывается динамикой машинного мимесиса» [7, с. 23]. Именно порядок геометрических форм, образованных математически, раскрывает суть природы и самого человека. Основной смысл передается инструменту-посреднику (модулеру), само же произведение этого смысла не имеет. При этом сам модулер задуман с целью стандартизации и расчета экономической целесообразности готовых заводских деталей, а не для комфорта потребителя архитектуры. То же можно увидеть в проекте Малевича, черный квадрат – это такое же орудие построения новой живописи. Архитектон – инструмент-шаблон, но уже по построению архитектурных объектов.

Если рассматривать «нижнюю» схему более широко, то можно говорить о разных вариантах монизма или потоках становления. В этих системах объект понимается как кристаллизация потока становления или модальность единого. Живопись футуризма является хорошим примером, в ней объект взрывается, и мы видим лишь излучения, потоки линий и волн. Так, Сэнфорд Квинтер, обращаясь к итальянскому футуристу Умберто Боччони, создает теоретическую модель онтологии становления [8]. Такое понимание в архитектуре характеризуется увлечением контекстуальными линиями сил и интенсивностями. Объект превращается в точку пересечения различных силовых линий, он является многократным конъюнктивным синтезом. Отсутствие единого композита как организма заменяется бесконечным количеством коннекций, сингулярностей и синтезов. При этом данная структура наиболее близка новым онтологиям, поскольку ни один элемент не обладает в ней приоритетом при создании машины. Развитие этого подхода с новой теоретической перспективы можно обнаружить у Мануэля Де Ланда в его «Теории ассамбляжей 2.0» и у многих теоретиков «нового материализма», активно работающих с делезианской мыслью. Но отличительным является онтологическая не вложенность объектов друг в друга – «онтологически ассамбляжи, большие и малые, всегда являются уникальными единичными индивидами» [4, с. 39].

Очевидным является широкое распространение «серединной» схемы в архитектуре, центром для которой традиционно выступает человек, который и задает реальность других объектов, что формирует принципиальную асимметричность отношений. Антропоцентризм пронизывает почти всю

архитектурную теорию и практику, все функции и пропорции соотнесены с человеком. Человеческое познание в этом случае является привилегированным доступом к миру, при этом уменьшая значимость других вариантов доступа к нему. Основным человеческим коррелятом на равне с сознанием выступает язык. Эти объекты составляют мир, поскольку они обеспечивают нас внешним, уже правда, скоррелированным с нами самими, что приводит нас к замкнутости в этой экстерности. Таким образом, все, с чем мы сталкиваемся, в мире существует уже в корреляции с мышлением. Идея «Великого Внешнего», которое не сводится к отношению с человеком и не зависит от того, мыслим мы его или нет, «такое Внешнее, которое мысль могла бы постигать с оправданным чувством пребывания на чужой территории – в совершенно чуждом ей месте» [6, с. 15] и есть суть спекулятивной мысли, противопоставленной корреляционному. Одним из способов разрыва корреляционистского круга является трансценденталистская аргументация. Реальное внешнее подразумевается, как условие возможности практик, деятельности и нового.

Любая архитектура, ориентированная только на человека, зачастую впадает в «серединный» схематизм, игнорируя реальность остальных объектов, вне соотнесения их с человеком. Стоит отметить, что базовая предпосылка плоской онтологии заключается в признании того, что все объекты одинаково существуют онтологически, но существуют по-разному онтически, такой тезис Леви Брайант называет демократией объектов [1].

В понятии среды имплицитно присутствует корреляционистская «двухходовка», суть которой в постановке на первое место отношений и их конституирующей функции, а членов отношения на второе место. Это интересным образом соотносится с преобразившимся гилеморфизмом, от дихотомии материи-формы он сначала переходит к функции-форме, а позже – к содержанию-форме; и если форма сначала очевидно доминировала над материей (оформленное превосходило бесформенное), то позже уступила и функции (в модернистской архитектуре), и содержанию (в семиотических подходах). Причем форма уже мыслится как материал, а содержание как его смысловой референт. Основная проблема такого подхода – это сведение архитектуры к сообщению на языке архитектуры. Понимание произведения как «текста» обязует нас следовать устоявшимся кодам и конвенциональным знакам. Предполагается, что все это приводит к языку как всеобщему корреляту, который запирает в себе архитектора и пользователя архитектуры, и который ограничивает их восприятие и переживание произведения.

Указанные ограничения, свойственные многим традиционным онтологическим схемам, подтверждают необходимость некоторого их пересмотра или дополнения в сторону более гибкого и, тем самым, актуального соответствия жизненному и пространственному многообразию. Новый онтологический поворот будет подробнее рассмотрен в следующей статье.

Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных научных исследований Российской академии архитектуры и строительных наук и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на 2024 год.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брайант, Леви Р. Демократия объектов / Л. Р. Брайант ; перевод с английского О. С. Мышкина. – Пермь : Гиле Пресс, 2019. – 320 с. – ISBN 978-5-6041044-9-1. – Текст : непосредственный.
2. Ветушинский, А. Во имя материи: Критические и метафизические исследования / А. Ветушинский. – Пермь : Гиле Пресс, 2018. – 158 с. – ISBN 978-5-6041044-1-5. – Текст : непосредственный.
3. Витрувий Поллион, Марк. Десять книг об архитектуре / Витрувий Поллион Марк ; перевод с латыни Ф. А. Петровского. – Санкт-Петербург : Азбука, 2017. – 315 с. : ил. – ISBN 978-5-389-13162-0. – Текст : непосредственный.
4. Деланда, М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность / М. Деланда ; перевод с английского К. С. Майоровой. – Пермь : Гиле Пресс, 2018. – 170 с. – ISBN 978-5-9906611-9-6. – Текст : непосредственный.
5. Ле Корбюзье Архитектура XX века / Ле Корбюзье ; перевод с французского К. П. Топуридзе. – Москва : «Прогресс», 1977. – 301 с. – Текст : непосредственный.
6. Мейясу, К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / К. Мейясу ; переревод с французского Л. Медведевой. – Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2015. – 196 с. – ISBN 978-5-7525-3069-2. – Текст : непосредственный.
7. Подорога, В. А. Пространство и власть. Геополитика русского авангарда. А. Платонов и В. Шаламов / В. А. Подорога. – Москва : Культурная революция, 2022. – 296 с. – ISBN 978-5-604642-25-2. – Текст : непосредственный.
8. Sanford, K. Landscapes of Change: Boccioni's "Stati d'animo" as a General Theory of Models / K. Sanford, U. Boccioni // *Assemblage*. – 1992. – № 19. – P. 50–65.

DUTSEV Mikhail Viktorovich, doctor of architecture, holder of the chair of architectural environment design¹; professor of the architecture department of the Engineering academy², leading researcher, head of the department of problems of architecture theory³; KURBATOV Aleksandr Andreevich, undergraduate student of the chair of architectural environment design¹

TOWARDS NEW ONTOLOGIES IN ARCHITECTURE. PART 1. THE EVOLUTION OF ONTOLOGICAL SCHEMES

¹Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering
65, Pjinskaya St., Nizhny Novgorod, 603952, Russia. Tel.: +7 (831) 433-05-52;
e-mail: nn2222@bk.ru

²Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia. Tel.: +7 (499) 936-87-87;
e-mail: rudn@rudn.ru

³Institute of Theory and History of Architecture and Urban Development (NIITIAG)
9, Dushinskaya St., Moscow, 111024, Russia. Tel.: +7 (499) 951-82-72;
e-mail: niitag@yandex.ru

Key words: architecture, philosophy, object-oriented ontology, speculative realism, new materialism.

The article is the first part of the actual problem study of the ontological turn in the theory and practice of architecture. The authors consider the connections between architecture and philosophy, presented in four ontological schemes. The definition of each type and the analysis of their projections into the theory of architecture set the specifics of this article. The first three schemes, at the same time, are designated as traditional ontologies, since they represent different hierarchical structures. The fourth scheme is designated as a new ontology, since it is "flat", which sets a wider range of possible professional communications and spatial solutions.

REFERENCES

1. Bryant Levi R. Demokratiya obektov [Democracy of objects] ; per. s angl. O. S. Myshkina. Perm : Gile Press, 2019. – 320 p. – ISBN 978-5-6041044-9-1.
2. Vetushinsky A. Vo imya materii: Kriticheskie i metafizicheskie issledovaniya [In the Name of Matter: Critical and Metaphysical Studies] / Perm : Gile Press, 2018. – 158 p. – ISBN 978-5-6041044-1-5.
3. Vitruviy Pollion Mark. Desyat knig ob arkhitekture [Ten books about architecture] ; per. s latyni F. A. Petrovskogo. Saint-Petersburg : Azbuka, 2017. – 315 p. : il. – ISBN 978-5-389-13162-0.
4. Delanda M. Novaya filosofiya obshchestva: Teoriya assamblyazhey i sotsialnaya slozhnost [The new philosophy of society: Assemblage theory and social complexity] ; per. s angl. K. S. Mayorovoy. Perm : Gile Press, 2018. – 170 p. – ISBN 978-5-9906611-9-6.
5. Le Corbusier. Arkhitektura XX veka [Architecture of the twentieth century] ; per. s fr. L. Medvedevoy. Moscow : «Progress», 1977. – 301 p.
6. Meillassoux Q. Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti [After the finiteness: Essay on the necessity of contingency] ; per. s fr. L. Medvedevoy. Ekaterinburg ; Moscow : Kabinetny uchyony, 2015. – 196 p. – ISBN 978-5-7525-3069-2.
7. Podoroga V. A. Prostranstvo i vlast. Geopolitika russkogo avangarda. A. Platonov i V. Shalamov [Space and power. Geopolitics of the Russian avant-garde. A. Platonov and V. Shalamov]. Moscow : Kulturnaya revolyutsiya, 2022. – 296 p. – ISBN 978-5-604642-25-2.
8. Sanford K., Boccioni U. Landscapes of change: Boccioni's "Animal Status" as a general theory of models / Assemblage. – 1992. – № 19. – P. 50–65.

© М. В. Дуцев, А. А. Курбатов, 2024

Получено: 03.04.2024 г.